

- 1907 г. преподавал русский язык в г. Учан (провинция Хубэй).
- ¹³ АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493, 1905. Д. 576. Ч. 2. Л. 444.
- ¹⁴ Там же. Л. 615.
- ¹⁵ Там же. Л. 421.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493, 1904–1906. Д. 572. Ч. 1. Л. 364.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493, 1905. Д. 572. Ч. 2. Л. 628.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493, 1905. Д. 572. Ч. 2. Л. 479.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493, 1905. Д. 572. Ч. 2. Л. 634.

- ²⁰ АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493, 1905. Д. 572. Ч. 2. Л. 640.
- ²¹ С. Лашков в статье «Мир с Японией (К 25-летней годовщине)», опубликованной 4 сентября 1930 г. в газете «Новое время», вышедшей в Белграде, отмечал: «Гробовым молчанием встретили войска известие о заключении преждевременного мира... Этим армия осудила работу Витте, который как представитель России вел мирные переговоры и, не использовав все наши преимущества в Маньчжурии, счел возможным пойти на недостойный России мир».

В.П. Сафонов

2 СЕНТЯБРЯ 1945 Г. УРОКИ ИСТОРИИ

Видимо, разумно поступили организаторы нашего заседания, не ограничившись рассмотрением событий, относящихся только к русско-японской войне и добавив сюда сюжеты второй мировой войны. Внешне это связано с 60-летним юбилеем окончания войны с Японией, но, по сути, прямо затрагивает нашу основную тему. Надо заметить, что вообще 2005 год – это сплошные юбилеи в российско-японской истории: 150 лет установления отношений между странами, 100 лет окончания русско-японской войны, 80-летие установления советско-японских отношений, советско-японская война 1945 г. Я уже не говорю о юбилеях локальных событий, таких как 130-летие Петербургского договора 1875 г. об обмене Курил на Сахалин, Мукденское и Цусимское сражения. Если говорить о 1945 г. для СССР и Японии более конкретно, то надо признать его прямую связь с русско-японской войной 1904–05 гг. Сорок пятый год на Дальнем Востоке вообще, на мой взгляд, больше связан именно с этой войной, а не с Великой Отечественной.

Здесь я хотел бы вспомнить доклад А.Н. Сахарова 10-летней давности, сделанный как раз с этой трибуны, по случаю полувекового юбилея Победы над фашистской Германией. Он произвел настоящий фурор в аудитории. Среди

главных мыслей выступления была, в частности, такая, что война Советского Союза против Германии делится на две части. Первая часть (1941–1944 гг.) – это собственно отечественная война за освобождение оккупированных территорий СССР, а вторая (с 1944 г.) – заграничный поход Красной Армии в Европу, подобный тому, что совершила русская армия в 1813–14 гг. против Наполеона.

В самом деле, та война России с拿
полеоновской Францией продолжалась с 1812 по 1814 г., а отечественной названа только кампания 1812 г. Напомню также, что и первая мировая война в русской небольшевистской историографии в свое время была названа второй отечественной, а вовсе не империалистической, как гласил большевистский слоган.

Можем ли мы в соответствии с предложенной концепцией причислять советско-японскую войну 1945 г. к Великой Отечественной? На мой взгляд, нет ни по формальным, ни по фактическим признакам, поскольку, во-первых, войну объявил Советский Союз. Более того, формально в нарушение пакта о нейтралитете с Японией от апреля 1941 г. А во-вторых, боевые действия происходили на чужой, не советской, территории, в том числе на территории противника СССР и защитой Отечества, строго говоря, не являлись. К тому же между

обеими войнами имелся довольно значительный временной перерыв в три месяца. Кстати, к этому моменту был проведен и Парад Победы, символизировавший завершение Великой Отечественной войны.

С политической точки зрения допустимо приравнивать советско-японскую войну к Великой Отечественной, а вот с исторической – весьма сомнительно. Иначе и «зимнюю войну» с Финляндией 1939/40 г. надо назвать отечественной, ибо она и по целям, и по характеру напоминает военное столкновение с Японией. Другой вопрос, что эта последняя является составной частью второй мировой войны, которая, как известно, вобрала в себя сразу несколько войн: прежде всего с европейскими странами «оси» и Тихоокеанскую, каждая из которых состояла из отдельных войн, например, Великой Отечественной или японо-китайской, которая вообще началась еще в 1937 г. В Тихоокеанскую войну следовало бы включать и советско-японскую даже по формальным признакам, ибо она велась на территориях, находящихся или прилегающих к Тихому океану, и закончилась одновременно с капитуляцией Японии.

Но в контексте нашего сегодняшнего заседания советско-японскую войну абсолютно уместно считать прямым продолжением русско-японской войны 1904–05 гг., реваншем за прежнее поражение России. Кстати сказать, вся первая половина 20 века – это эпоха сплошных реваншей, как военных, так и политических, как удачных, так и неудачных, что побуждает некоторых историков рассматривать отдельные события этого периода как единое целое. Например, часть исследователей считает первую и вторую мировые войны одной войной с двадцатилетним перерывом. Во всяком случае для Германии этот тезис абсолютно подходит, ибо с ее стороны вторая мировая война – неоспоримый реванш за 1918 г. в отношении тех же противников, хотя этим дело не исчерпывается. Это же относится и к Финляндии, в историографии которой военная кампания этой страны против Советского

Союза 1941–44 гг. называется войной-продолжением, продолжением «зимней войны». Я уже не говорю о реваншах СССР 1939–40 гг. в отношении Польши, Финляндии, Румынии как реакции на поражения и территориальные потери послеоктябрьских лет.

То, что Советский Союз и лично Сталин жаждали реванша за поражение в русско-японской войне 1904–05 гг. и мечтали вернуть утраченное тогда Россией, было очевидно на протяжении всего межвоенного периода 1920-х – 1930-х гг. Достаточно напомнить декларацию, приложенную к Пекинской конвенции 1925 г. об установлении дипломатических отношений между СССР и Японией, где было сказано, что признание советским правительством действительности Портсмутского договора 1905 г. никоим образом не означает, что оно «разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора¹. При желании это можно было интерпретировать таким образом: «Хотя договор и существует, он нам не нравится, мы его не заключали и при удобном случае от него откажемся». Кстати, подобные оговорки всегда делаются с определенными надеждами на будущее и являются в дальнейшем важной зацепкой.

Так, о желании вернуть утерянный в 1905 г. Южный Сахалин В.М. Молотов прямо заявлял японскому послу И. Татэкаве в ноябре 1940 г.² и министру иностранных дел Японии И. Мацуоке в марте 1941 г.³ В декабре 1944 г. И.В. Сталин первым поставил уже перед американским послом А. Гарриманом вопрос о компенсации Советскому Союзу за счет приобретений Японии 1905 г. (Южный Сахалин, Порт-Артур, Дайрен) в качестве условия его вступления в войну против нее⁴. Ялтинское же соглашение Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля от 11 февраля 1945 г. по умолчанию фактически зафиксировало отказ Советского Союза от Портсмутского договора.

Главный урок истории в связи с капитуляцией Японии в 1945 г. точно такой же, как и для всех глобальных экспансионистов, будь то Александр Македон-

ский, Чингисхан, Наполеон или Гитлер. Это – их неумеренная и безграничная алчность, замешанная на вере в собственное величие и особое предназначение. Все они в итоге погибли, образно говоря, от переедания и несварения желудка, от неспособности вовремя остановиться и удовольствоваться меньшим. Когда Япония с конца XIX века начала после пробуждения от тысячелетней спячки энергичную экспансию на Азиатском материке, ей сопутствовал большой успех. Она планомерно отняла у Китая Тайвань, у России Южный Сахалин, закрепилась на Ляодунском полуострове и в Маньчжурии, аннексировала Корею, разделила с царской Россией на сферы влияния Маньчжурию и Монголию. Все для Токио развивалось настолько успешно, что там потеряли чувство меры и контроль над своим аппетитом, стремясь как можно быстрее восполнить «недополученное» в прошлые времена.

Япония так вошла во вкус, что в годы первой мировой войны втерлась в доверие к Антанте, но только для того, чтобы подворовывать плохо лежащее чужое добро третьих стран. Так, она быстро присвоила себе германские владения в Тихом океане и в китайской провинции Шаньдун, вторглась на советский Дальнний Восток и оккупировала Северный Сахалин. Если бы Япония остановилась на этом, она смогла бы сохранить надолго, а кое-что и навсегда из того, что она к тому моменту приобрела. Могла даже приобрести еще больше. По некоторым данным советское руководство и Сталин в частности готовы были отдать Японии в 1926 г. Владивосток и Иркутск, лишь бы она не вмешивалась в китайскую революцию в случае установления в Китае советской власти⁵. Правда, есть основания подвергать эти сведения сомнению, поскольку они исходят от дипломата-перебежчика Г.З. Беседовского.

Но что доподлинно известно, так это намерение советского руководства в середине 1923 г. по предложению Л.Д. Троцкого продать Японии Северный Сахалин, поскольку японцев никак не удавалось изгнать оттуда, а в Европе назревали большие политические события, для

подготовки к которым, необходимо было прочно урегулировать отношения с Токио на Дальнем Востоке. В советских ведомствах была уже составлена калькуляция, по которой Москва готова была продать Северный Сахалин за 1–1,5 млрд золотых руб. Но консультации с японской стороной не пошли дальше неофициальной предварительной стадии, а вскоре, в сентябре 1923 г., случилось катастрофическое токийское землетрясение и этот вопрос отпал сам собой, т.к. у Японии явно не хватило бы денег на покупку. В мае же 1925 г. японцы и все ушли оттуда.

Сразу после первой мировой войны чрезмерные аппетиты Токио стали беспокоить ее союзников по Антанте, и поэтому на Версальской (1919 г.) и Вашингтонской (1921–1922 гг.) конференциях ее принудили дать обещание уйти из Приморья и Шаньдуня, но оставили за ней бывшие германские острова в Тихом океане под мандатом Лиги Наций. Однако Япония не оценила благосклонность клуба Антанты и в нарушение договоров и корпоративных правил с начала 30-х годов активизировала свою политику подворовывания территорий в чисто азиатском духе: не объявляя войны, устраивая мелкие провокации в качестве предлога для интервенции, насаждая своих ставленников. Но даже это державы корпорации Антанта готовы были терпеть, продолжая видеть в Японии политического родственника, члена одного с ними политического круга. И лишь когда Япония окончательно порвала с этим клубом западных демократий и вступила с ним в прямое военное противоборство, не сумев, так же как и Германия, вовремя остановиться в своей экспансии, она подписала себе смертный приговор. В результате, желая завладеть значительно большим, чем могла переварить, она получила лишь «от мертвого осла уши».

Исторический урок капитуляции Японии в 1945 г. состоит также в том, что на протяжении 40 лет в решающие моменты противостояния России и СССР с Японией на авансцену выходили США и посредством своего авторитета и моци

становились важнейшим фактором преодоления кризисных ситуаций. Так было с посредничеством президента Т. Рузвельта при заключении Портсмутского договора. Именно Соединенным Штатам В.И. Ленин готов был отдать в долгосрочную аренду под концессии и военно-морскую базу на Камчатке и Северный Сахалин, лишь бы не дать японцам захватить эти территории. И именно американское правительство по настоянию Дальневосточной Республики вынудило Японию на Вашингтонской конференции 1921–1922 г. дать обещание убраться из Приморья.

Наконец, вступление в декабре 1941 г. во вторую мировую войну США избавило СССР от очень вероятного японского вторжения и сделало победу антигитлеровской коалиции лишь делом времени. Нет оснований подвергать сомнению решающий вклад США в общий разгром Японии. Их военные операции и стратегические бомбардировки Японских островов оставили от японской мощи одни лишь воспоминания. Отсюда и Квантунская армия в августе 1945 г. была не такой боеспособной, как в период своего расцвета, когда летом 1939 г. она в течение нескольких месяцев ожесточенно сражалась с войсками Г.К. Жукова на относительно небольшом участке Халхин-Гола.

Едва ли без Америки Советский Союз смог бы кардинально решить японскую проблему, поскольку для этого требовалось подавляющее преимущество, которое могли обеспечить только Соединенные Штаты. Предопределенность поражения держав «оси» состояла в том, что антигитлеровская коалиция превосходила их по военно-промышленной мощи в целых семь раз.

Наверное, еще один урок сентября 1945 г. заключается в том, что войны выигрываются и проигрываются военными, а заканчивают их все равно политики и дипломаты, и если какие-то вопросы, оставшиеся от военного конфликта, остаются нерешенными, трудно признать до конца мирными отношения между бывшими противниками. Между

тем неурегулированность южнокурильской проблемы обещает сохранять состоянис неопределенности в российско-японских отношениях еще долгие годы, к чему обе стороны за полвека уже адаптировались и разрушать которое какими-то резкими, свойственными прошлому, движениями, к счастью, не собираются.

В этой связи следует особо подчеркнуть, что советско-японская война 1945 г. стала последней из эпохи мировых войн и насильственного территориального передела мира, подведя под ней, надо надеяться, окончательную черту. Ведь суть мировых войн – именно борьба за передел территорий и сфер влияния. С распадом же колониальной системы меняется объект такого передела. Более того, видимо, заканчивается и эпоха захватнических войн – еще более длительный период всей мировой истории. Во всяком случае можно говорить о конце эпохи захватнических войн как mainstream'a мировой политики. Отныне всякие захваты – это дурное поведение, дурной тон в политике различных государств. Конечно, в будущем еще будут происходить переделы, может быть, и силовым путем, но все-таки на сегодняшний день можно вполне уверенно сказать, что эпоха захватнических войн как главной тенденции мировой политики завершилась. И завершилась она с окончанием второй мировой войны. В этом также заключается, пожалуй, важнейший исторический урок разгрома Японии в 1945 г.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 8. М., 1963. С. 77.

² Архив внешней политики Российской Федерации (Далее: АВП РФ). Ф. 6. Оп. 3. Д. 388. Л. 2.

³ Там же. Д. 383. Л. 18.

⁴ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1984. С. 272.

⁵ Беседовский Г.З. На путях к термидору. М., 1997. С. 167–168.